

УДК 215

DOI 10.23683/2227-8656.2017.3.16

**СУДЬБЫ КУЛЬТУРЫ
В КОНТЕКСТЕ
ХРИСТИАНСКОЙ
ЭСХАТОЛОГИИ
(ПО РАБОТАМ
С.Н. БУЛГАКОВА)**

**THE FATE OF CULTURE
IN THE CONTEXT
OF CHRISTIAN
ESCHATOLOGY
(BASED ON S.N. BULGAKOV
WORKS)**

Положенкова Елена Юрьевна

Доктор философских наук, доцент,
профессор, Институт сферы обслуживания
и предпринимательства (филиал)
Донского государственного технического
университета в г. Шахты,
e-mail: polozhenkovae@mail.ru

Elena Yu. Polozhenkova

Doctor of Philosophical
Sciences,
Associate Professor,
Don State Technical University,
Shakhty,
e-mail: polozhenkovae@mail.ru

Рязанская Ольга Борисовна

Аспирант, Институт сферы обслуживания
и предпринимательства (филиал)
Донского государственного технического
университета в г. Шахты,
e-mail: ors27@mail.ru

Olga B. Ryazanskaya

Postgraduate student,
Don State
Technical University,
Shakhty,
e-mail: ors27@mail.ru

В работе осуществлено философское исследование генезиса, природы и судьбы культурного творчества на православных основаниях. Философско-религиозная рефлексия данной проблематики представляется весьма значимой в условиях современной российской социокультурной реальности, переживающей некоторое транзитивное состояние. Осмысление культурфилософских воззрений С.Н. Булгакова позволяет раскрыть христианско-православное видение данной проблематики, которое способствует обретению способов преодоления кризиса современной культуры.

The authors carry out a philosophical study of the genesis, nature and fate of cultural creativity, based on Orthodox philosophical underpinnings. Philosophical and religious reflection of this problem is very significant in terms of transitive state of socio-cultural reality in modern Russia. The comprehension of S.N. Bulgakov cultural and philosophical views allows us to reveal the Christian-Orthodox vision of this issue. It allows to identify the ways to overcome the crisis of modern culture.

Ключевые слова: христианская культура, метафизика, прогресс, цивилизация, культура, творчество, теургия, софиургия. **Keywords:** Christian culture, metaphysics, progress, civilization, culture, creativity, theurgy, sofiurgiia.

Введение

Философское исследование генезиса, природы и судьбы культурного творчества является одним из основных дискурсов, включённых в философию на православных основаниях, которую пытается конструировать С.Н. Булгаков. Философско-религиозная рефлексия данной проблематики представляется весьма значимой в условиях современной российской социокультурной реальности, переживающей некоторое транзитивное состояние. Прошлые идеалы разрушены, новые многими нашими соотечественниками не обретены, они до сих пор находятся в поиске. В этой связи осмысление культурфилософских воззрений С.Н. Булгакова позволяет раскрыть христианско-православное видение данной проблематики, которое способствует обретению способов преодоления кризиса современной культуры.

Сущность культурно-исторического процесса

С.Н. Булгаков высшую цель культурного развития связывает с Богочеловечеством, достичь состояние которого можно лишь через духовно-нравственное воспитание человечества и творческий процесс созидания культурных ценностей. С.Н. Булгаков, как религиозный мыслитель, чье творчество пришлось на период «разрыва времён», видит глубинную подоплёку трагедии русской жизни, безусловно, в духовной сфере. В его философском учении четко осознается фундаментальная связь религиозного начала и социально-культурной жизни. В этой связи он подчёркивает: «Религия есть феномен общности, тот “базис”, на котором воздвигаются различные “надстройки”. В этом смысле религия есть универсальное единящее начало, и человек есть существо общественное, лишь насколько он есть существо религиозное» [2, с. 7]. Для философа именно дух выступает активным началом истории, задающим ей творческую направленность и придающим разнообразную форму.

Философ утверждает, что для жизни народа очень важно существование культурного идеала, поскольку именно последний определяет направление исторического развития, характеризуя специфику духовного содержания эпохи. Не существует ни абсолютной цивилизации, ни абсолютной культуры, так как человек не в состоянии быть лишь только рабом или творческой личностью. Он подчеркивает, что

«материальная цивилизация является одновременно и крыльями, и путями для духа, ибо если благодаря ей вырастают силы духовного человека, зато и мещанское начало (“рабство у природных законов”) получает необычайную мощь. Для сохранения равновесия между духовным человеком и мещанином требуется гораздо большая энергия со стороны первого, ибо силы мещанина страшно увеличиваются» [4, с. 123–128]. Поэтому закономерно, что «сатаническое начало мира, “князь мира сего”, есть именно олицетворённое мещанство» [4, с. 127].

С этой же точки зрения С.Н. Булгаков рассматривает и трансцендентность идеала культурного возрождения, подчеркивая его влияние на творческую деятельность как всего человечества, так и отдельной личности. Иначе говоря, невозможно окончательно артикулировать сущность этого идеала в рационалистических и научных терминах, но в то же время в реальном историко-культурном прогрессе реализация его никогда не состоится, поскольку этот идеал не вмещается в естественную эмпирическую историю. Именно вера представляет собой единственно возможный способ достижения трансцендентного идеала совершенства человека, поэтому она должна выступать основой его творческой деятельности и убеждения в возможности прогресса. С точки зрения рациональности объяснить этот идеал, полагает философ, способна лишь метафизика, которая допускает существование религиозной веры как более высокой инстанции и избегает излишней рациональности в своих построениях.

Примерами такой метафизики являются, по мнению философа, учения И. Канта и В. Соловьева. С.Н. Булгаков пишет: «Нравственный закон велит нам хотеть добра, всегда и везде, ради самого добра. Абсолютный закон добра должен быть и законом нашей жизни. Этот закон, в применении к историческому развитию, велит нам хотеть добра в истории и своими силами содействовать осуществлению добра, велит, другими словами, хотеть прогресса. Прогресс является с этой точки зрения нравственной задачей... не бытием, а абсолютным долженствованием; конечное и относительное не может вместить абсолютного, в этом смысле прогресс бесконечен... Абсолютный характер его велений, хотеть добра ради добра, не стоит в связи ни с какими случайными условиями осуществления добра в истории» [4, с. 81].

В дальнейшем исследование Булгаковым недостатков самых известных теорий прогресса убеждает его в существовании двух источников этой идеи: признание абсолютного значения личности человека, которая реализует себя в свободном историческом действии, и вера в Бога как трансцендентный идеал совершенства человека. «Следовательно, —

приходит к выводу Булгаков, – основные проблемы теории прогресса суть вместе с тем и проблемы философии христианского теизма и разрешимы лишь на почве этой философии, а учение о прогрессе в действительности есть специфически христианская доктрина» [4, с. 82].

Заметим, что философ, наряду с критикой прогрессистских теорий марксизма и позитивизма, озвучивает и собственное понимание сути культурно-исторического процесса, которое представлено в довольно сжатом виде лаконичного наброска. Акцентируя внимание на кризисе гуманистической культуры эпохи Нового времени, философ утверждает, что сущностное противоречие между цивилизацией и культурой является в первую очередь противоречием в человеческом сознании. Грехопадение человека повлекло за собой расколотость его самосознания. Иначе говоря, бытие дало трещину и породило противоборство плоти и духа, проходящее сквозь всю историю развития человечества. Как результат этого создаются два противоборствующих варианта для творчества личности: «с одной стороны, человек, подчиняющийся стихиям мира, живущий жизнью этих стихий, с другой – человек, борющийся со стихиями и осуществляющий образ Божий в себе» [4, с. 640].

Размышляя над этими возможностями, мыслитель видит, соответственно, два пути для реализации творческого потенциала человека – путь цивилизации и путь культуры. Оба эти пути существуют совместно, проявляясь в различных аспектах личностного сознания человека. Первый можно представить как Вавилонскую башню «мещанской» цивилизации; второй аспект понимается С.Н. Булгаковым как творческая, религиозно обоснованная культура, предназначенная для решения важнейшей трансцендентной задачи – преображение и одухотворение мира. Если цивилизацию можно представить как определенное приспособление к природным условиям, то для культуры характерно «творческое отношение человека к миру и к самому себе, когда человек на свой труд в мире налагает печать своего духа» [4, с. 641].

Религиозное оправдание культуры

Проблема творчества связана с еще одной очень важной темой – проблемой оправдания культуры с точки зрения православного христианина. Иными словами, насколько возможно участие христианина в истории мира, если, согласно христианству, этот мир обречен на уничтожение? Это трудная проблема культуры, которая в контексте христианства не имеет оптимистического и благополучного решения. Сформулируем вкратце православное понимание этой проблемы, что-

бы в дальнейшем сравнить с ним подход С.Н. Булгакова к решению этого вопроса.

Действительно, с одной стороны, человеку дано задание быть творцом, и он надеется, что его творение избежит тлена, однако вся окружающая его действительность убеждает его в тщетности этой надежды. Размышляя на эту тему, о. Керн пишет: «Дух зовет обесмертвить и увековечить себя, а зуб времени и самый ритм жизни, железная поступь истории уничтожает все созданное: памятники древнего зодчества, манускрипты, покрытые нерасшифрованными еще письменами, бледнеющая и как бы испаряющаяся на стене фреска Тайной вечери, философские системы, политические доктрины, быт и костюмы народов, попавших под сокрушающее колесо истории. Творчество исходит от вечного начала и стремится к вечному; а эта жизнь разбивает сотворенное и сама разбивается у врат смерти» [1].

Так есть ли в таком случае смысл в творчестве? И нужна ли вообще культура? А если нужна, то как она может быть совместима с существованием смерти и самой идеи финального космического пожара? Догматика на этот вопрос ответа не дает. Несомненно, что человеку, в отличие от ангелов, задано творить по самой его сути (св. Г. Палама). Кроме того, после изгнания из Эдема человек получил наказ «возделывать землю, из которой человек взят» (Быт. III:23). Речь здесь, безусловно, идет не только об одной агрокультуре, но означает обработку, возделывание, украшение в самом широком смысле во всех сферах творчества и жизни.

Трагичность этого творческого задания, полученного человеком от Бога, делает его противоречивым, но при этом все же не отменяет самого задания. Известный исследователь жизни и творчества св. Григория Паламы о. Керн, полагал, что «благополучного и безмятежного вообще не может быть в жизни духа, так как дух этот связан с материей и втиснут в узкие рамки законов природы. Его свободу теснят необходимость, ограниченность и логика вещей, и в силу этого он мятется, не уживается с ограниченностью мира природных явлений, пытается прорваться вон. И, может быть, ни в одной области жизни духа эти конфликты так несильны и неумолимы, как в области творчества и культуры» [1].

Можно вопрос о природе в культурном творчестве поставить и в иной плоскости. Если при изгнании человека из рая ему была дана заповедь об обработке земли в поте лица, тогда строительство культуры может пониматься как наказание за грех непослушания в раю? Получается, что творчество человека в этом случае обусловлено грехопадени-

ем Адама и является карой. Однако святоотеческий опыт говорит нам об ином: св. Григорий Палама считает, что человеку полагается быть творцом, поскольку он создан по образу и подобию Божию. Поэтому культура исходит не из греха Адама, а из Божьего замысла о человеке.

Действительно, несмотря на то что сама культура содержит в себе тенденции самоуничтожения и разрушения, надо ли покорно склониться перед неотвратимостью конфликта в поле культурного творчества? Если принять мысль о тленности всего, что создал человек, то в этом случае проблема культуры стоит остро и безнадежно. В Евангелии сказано: «И когда некоторые говорили о храме, что он украшен дорогими камнями и вкладами, Он сказал: “Придут дни, в которые из того, что видите здесь, не останется камня на камне”» (Лук. XXI:5–6).

Однако, на наш взгляд, святоотеческая традиция не смотрит на эту проблему столь безнадежно и не обязывает верующих христиан, подобно святогорским пустынножителям, уничтожать свои жилища, «каливывы», чтобы лучше спастись. В контексте христиански поставленной проблемы творчества и культуры речь идет об их религиозном оправдании. Один из апостолов пишет об этом так: «Строит кто на этом основании (т.е. на Иисусе Христе) из золота, серебра, драгоценных камней, дерева, сена, соломы, каждого дело обнаружится; ибо день покажет, потому что в огне открывается и огонь испытует дело каждого, каково оно есть. У кого дело, которое он строил, устоит, тот получит награду, а у кого сгорит, тот потерпит урон» (Коринф. III:12–15).

Здесь, по-видимому, нельзя ограничиваться лишь рамками морали, т.е. понимать это как строительство только нравственных дел, поскольку имеется в виду раскрытие вообще всяких творческих способностей человека (притча о талантах). Например, строительство Косьмы Маиумского, Максима Грека, Романа Сладкопевца не состоит только лишь из подвигов поста, смирения и т.д., а включает в себя написанные ими каноны, богословские толкования и т.д. Разве иконы Андрея Рублева, памятники зодчества, византийские мозаики и т.п., сгорев на космическом пожаре, так же сгорят, как ненужный хлам, и на Страшном суде? В учении другого апостола о судьбе мира дается надежда на то, что в христианстве говорится не об уничтожении мира, а о его преображении: «нынешние небеса и земля, содержимые тем же Словом, сберегаются огню на день суда... Небеса с шумом прейдут, стихии же, разгоревшись, разрушатся, земля и все дела на ней сгорят... Впрочем, мы, по обетованию Его, ожидаем нового неба и новой земли, на которой обитает правда» (2 Петра III: 7; 10; 13).

Однако преобразению в этом огне подлежит лишь то, что драгоценно (драгоценные камни, золото и серебро), а все иное сгорит (солома, дрова и сено). Поэтому надо надеяться на преобразование далеко не всякого творчества, а лишь такого, которое способно не сгореть, а подлинно преобразиться. Религиозным обоснованием этого утверждения выступают слова апостола: «Никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос» (1Коринф. III:11).

Иными словами, только религиозно оправданное творчество, укорененное в Евангелии и Камне-Христе, может устоять и перейти в новую землю. В таком случае по-настоящему творить возможно только в сфере религиозных ценностей. Однако сказанное выше не отрицает ценность и мирской культуры, но, конечно, только такой, которая способна к освящению. Более детальное представление о процессе преобразования человечеству недоступно. Св. отцы предостерегают, что необходимо уметь в своих богословствованиях останавливаться у известного предела, который, по словам св. Григория Паламы, ангелы закрывают своими крыльями. Способность к творчеству дана человеку для того, чтобы оправдать религиозно свое назначение и превосходство над ангелами. Бог не нуждается в творчестве человека, поскольку он выше любой нужды и необходимости. Однако, по мнению св. Григория Паламы, творчество человека ему угодно. «Красота, свойственная человеку и участвующая во всяком творчестве, исходит от Духа Параклита и Украсителя. Он есть ипостазированная красота, и Он вдохновляет на всякое творчество. Вдохновение, выражаясь языком Паламы, есть одна из энергий Духа, как и другие Его действия (энергии). Боговдохновенность не ограничивается только рамками Свящ. Писания. А в меньшей степени и не в том же значении боговдохновенность касается всякого пророка. А искусство есть пророчество. Это выход из рамок принудительных законов природы, выход эроса человеческого навстречу экстатическому Эросу Божественному. В этом экстатическом порыве духа человеческого не может не быть “помазания от святого”, напечатления на творящем духе нашем харизмы Духа Божия. Человек жаждет красоты. Служа красоте, он может и должен служить красоте Божественной. Но, конечно, его постоянно подстерегает опасность прелести, обольщения лжекрасотой, темной красотой. Почему и есть благословенное творчество и неосвященное» [1].

У св. отцов не было ни капли сомнения в том, что Бог не может быть равнодушен к человеческим попыткам отобразить красоту, поскольку его погружение в истинную красоту возносит ум человека к

Богу. На этой высоте творческий ум уже не может создать что-то несоответствующее божественной гармонии и красоте. По замечанию о. Керна, даже если, например, храм Св. Софии в Константинополе разрушится, как и все остальные памятники человечества, в последние мгновения человеческой истории, однако «...в каком-то преображенном виде ее *genius*, ее логос не пропадут» [1].

В этом случае, на наш взгляд, могут возникнуть две опасности: соблазн переоценки культуры, признание за творчеством его абсолютной ценности; искушение абсолютного неприятия культуры, ее уничтожения во имя благочестия. Оба эти варианта неверны, так как нельзя отказываться от творческого дара, но в то же время нельзя и легкомысленно благодушествовать в этом отношении.

Итак, согласно православной традиции, человек задуман Богом как творец, и его долг состоит в том, чтобы творить, и хотя плоды человеческого творчества будут уничтожены вместе с Землей, но не пропадут, а преобразятся. Культуру надо осмысливать и оправдывать с точки зрения церкви, но не надо смешивать церковь и культуру, поскольку культура принадлежит иному плану, чем мистика, литургия, богослужение и т.д., и все-таки принадлежит миру. Кроме того, в самой культуре есть сферы, более доступные религиозному освящению по сравнению с такими, которые никогда не смогут преобразиться.

По мнению святых отцов и современных богословов, по существу творчество и культура глубоко религиозны и активны. Настоящая культура невозможна без веяния Духа Святого, а духовная свобода немыслима без культуры, имеющей свои истоки в культе и богослужении. Поэтому свобода является наиболее зрелым плодом христианской европейской культуры, выразителем которой выступает также и церковь.

Эксплицировав содержательный аспект решения проблемы культуры и культурного творчества в восточнохристианской традиции, христианской антропологии, мы можем теперь обратиться для сравнения к пониманию культуры в концепции С.Н. Булгакова, который, как один из представителей русской религиозной философии, должен был бы, по всей видимости, опираться на православный религиозный опыт и рассматривать проблему культуры и культурного творчества в своих философских построениях с православных позиций.

Как же сам С.Н. Булгаков, будучи философом и священником одновременно, рассматривает возможность существования культурного творчества?

Само понятие «творчество», теургия определяется С.Н. Булгаковым как «действие Бога в мире», но совершаемое в человеке и посред-

ством его самого. С этой точки зрения существование культуры возможно лишь в ее связи с Божественным миром, когда создается только религиозная культура, реализуемая через Божественное нисхождение, Боговоплощение и в дальнейшем восхождение человека к Богу. Культуре свойственно вертикальное движение, при котором нисхождение – это теургическое действие, путь Бога, а восхождение – это софиургическое действие, человеческий путь. Оба эти пути – божественный («теургия») и человеческий («софиургия») – трактуются С.Н. Булгаковым как условие подлинного творчества, при котором «теургия есть божественная основа всякой софиургии» [9, с. 577].

Теургия является основой религиозной культуры и представлена в древних формах искусства и культе. Соотношение софиургии и теургии порождает две формы культуры – светскую и религиозную. Если культура укоренена в культе, совмещающая теургическую и софиургическую деятельности, то происходит «соединение божеского и человечески-космического» [9, с. 577], создается религиозная культурная форма. В случае превалирования в культуре софиургической деятельности и отсутствия в первой истоков в образе культа, в культуре возникает светская культурная форма.

В этой связи философ замечает, что «мы должны творить, религиозно любя то дело, которое делаем, чтобы дела наши были камнями, приносимыми для строительства Царствия Божия. Недостижимый предел культурного творчества есть Царство Божие» [9, с. 642].

Однако «Царство небесное берётся силою, и употребляющие усилия восхищают его» (Мф. 11, 2). Иначе говоря, каждый человек должен осуществить максимальное напряжение сил, сделать усилие для совершения добра, понимая, что это не даёт ему право на духовную гордость. Евангелие предостерегает от гордости, напоминая, что человеческие усилия для делания добра – это только лишь исполнение человеком своего долга. «Когда исполните всё повеленное вам, говорите: мы рабы, ничего не стоящие, потому что сделали то, что должны были сделать» (Лк. 17, 10).

Заключение

Итак, подводя итоги нашему анализу понимания культуры, творчества в работах С.Н. Булгакова, отметим следующее.

1. Культурфилософия С.Н. Булгакова в целом принадлежит к вполне оригинальным, религиозно ориентированным учениям начала XX в. Философ категорически отказывается от возможности объединения поствозрожденческой гуманистической культуры и ценностей христианства, поскольку понимает культурное творчество в русле во-

сточнохристианской традиции. Христиански сформулированная проблема культурного творчества в работах С.Н. Булгакова говорит не о человеческой логике и смысле творчества, но о его религиозном оправдании.

2. На формирование оригинальной концепции культурного творчества С.Н. Булгакова повлияли платоновская концепция об абсолютном первоначале, стоящим над всяким бытием; учение В. Соловьева. Ценностная концепция, разработанная С.Н. Булгаковым, имеет религиозно-онтологическое обоснование, в котором абсолютным ценностным критерием и источником являются Бог и Царство Божие, а истина, добро и красота понимаются как необходимые качества Бога и человека. Культурное творчество понимается С.Н. Булгаковым как Богочеловеческий процесс, порождающий мир высших бытийственных ценностей.

Литература

1. *Архимандрит Киприан (Керн)*. Антропология свт. Григория Паламы. Глава седьмая. Образ и подобие Божие (человек и ангелы) [Электронный ресурс]. М. : Паломник, 1996. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Kiprian_Kern/antropologija-svjatogo-grigorija-palamy/2 (дата обращения: 10.09.2014).
2. *Булгаков С.Н.* Два града. СПб. : Изд-во РХГИ, 1997. 589 с.
3. *Булгаков С.Н.* Догмат и догматика // Живое предание: православие в современности. Париж, 1937. С. 9–24.
4. *Булгаков С.Н.* Догматическое обоснование культуры // Соч. : в 2 т. М. : Голос, 1993. Т. 2. 1356 с.
5. *Булгаков С.Н.* Докладные записки. М. : Наука, 2012. С. 48–89.
6. *Булгаков С.Н.* Очерки учения о церкви. IV. О ватиканском догмате // Путь. 1929. № 15. С. 39–80.
7. *Булгаков С.Н.* Путь Парижского богословия. М. : Храм св. муч. Татианы при МГУ, 2007. 560 с.
8. *Булгаков С.Н.* Русская трагедия // Соч. : в 2 т. М., 1993. Т. 2. 986 с.
9. *Булгаков С.Н.* Свет не вечерний: Созерцания и умозрения. М. : Республика, 1994. 415 с.

References

1. *Arkhimandrit Kiprian (Kern)*. Antropologiya svt. Grigoriya Palamy. Glava sed'maya. Obraz i podobie Bozhie (chelovek i angely) [Elektronnyy resurs]. M. : Palomnik, 1996. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Kiprian_Kern/antropologija-svjatogo-grigorija-palamy/2 (data obrashcheniya: 25.11.2016).
2. *Bulgakov S.N.* Dva grada. SPb. : Izd-vo RKHGI, 1997. 589 p.
3. *Bulgakov S.N.* Dogmat i dogmatika // Zhivoe predanie: pravoslavie v sovremennosti. Parizh, 1937. P. 9–24.
4. *Bulgakov S.N.* Dogmaticheskoe obosnovanie kul'tury // Soch. : v 2 t. M. : Golos, 1993. T. 2. 1356 p.
5. *Bulgakov S.N.* Dokladnye zapiski. M. : Nauka, 2012. P. 48–89.
6. *Bulgakov S.N.* Ocherki ucheniya o tserkvi. IV. O vaticanskom dogmate // Put'. 1929. № 15. P. 39–80.
7. *Bulgakov S.N.* Put' Parizhskogo bogosloviya. M. : Khram sv.much. Tatiany pri MGU, 2007. 560 p.
8. *Bulgakov S.N.* Russkaya tragediya // Soch. : v 2 t. M., 1993. T. 2. 986 p.
9. *Bulgakov S.N.* Svet nevecherniy: Sozertsaniya i umozreniya. M. : Respublika, 1994. 415 p.

10. *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства // Соч. : в 2 т. М. : Наука, 1993. Т. 1. 603 с.

11. *Булгаков С.Н.* Христианский социализм. Новосибирск : Наука, 1991. 348 с.

12. *Булгаков С.Н.* Автобиографические заметки. Париж, 1946. 58 с.

13. *Булгаков С.Н.* Простота и опрощение // Л. Н. Толстой: pro et contra. СПб., 2000. С. 269–298.

14. *Прот. Булгаков С.Н.* Православие. Очерки учения православной церкви. Минск : Изд-во Белорусского Экзархата, 2011. 560 с.

10. *Bulgakov S.N.* Filosofiya khozyaystva // Soch. : v 2 t. M. : Nauka, 1993. T. 1. 603 p.

11. *Bulgakov S.N.* Khristianskiy sotsializm. Novosibirsk : Nauka, 1991. 348 p.

12. *Bulgakov S.N.* Avtobiograficheskie zametki. Parizh, 1946. 58 p.

13. *Bulgakov S.N.* Prostota i oproshchenie // L.N. Tolstoy: proetcontra. SPb., 2000. P. 269-298.

14. *Prot. Bulgakov S.N.* Pravoslavie. Ocherki ucheniya pravoslavnoy Tserkvi. Minsk : Izd-vo Belorusskogo Ekzarkhata, 2011. 560 p.

Поступила в редакцию

20 апреля 2017 г.